

А. С. Пушкин в кругу литературных
и общественных интересов В. Г. Короленко

Между творческой деятельностью А. С. Пушкина и В. Г. Короленко пролегли многие десятилетия, отмеченные бурным ростом освободительного движения в России и связанным с ним стремительными мужанием отечественной художественной мысли.

Каждый этап социальной борьбы, каждый период развития литературы вносил нечто свое, особенное в процесс осмысления произведений и личности Пушкина, ибо этот художник «принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям... продолжающим развиваться в сознании общества»¹.

Известно, что для декабристов и Герцена Пушкин был выразителем их дум, певцом «вольности святой». Революционные демократы недооценивали пушкинское наследие, что «объяснялось напряженностью их гражданского самосознания и захватившей своей горячностью полемикой «детей и отцов»². Неприятие ими некоторых мотивов творчества поэта, взятых на вооружение приверженцами «чистого» искусства, в наиболее категорической форме было выражено Д. И. Писаревым в статье «Пушкин и Белинский»³.

В 60—70-е годы в среде крестьянской демократии стало принятым противопоставлять «дворянскому писателю» Пушкину Некрасова, как поэта истинно народного. Но именно в ее рядах зародилось новое отношение к зачинателю реализма в русской литературе. Как справедливо замечает С. С. Конкин, насыщенные парадоксами статьи Д. И. Писарева «побуждали серьезных, вдумчивых читателей зорче и внимательнее всматриваться в творческий облик поэта и, снимая с него иконописную елейность и хрестоматийный глянец, открывать для себя подлинного Пушкина — живого, вечно юного, шагающего рядом с нами в бесконечную даль...»⁴.

Одним из таких читателей был В. Г. Короленко.

Литературные вкусы, весь строй мыслей этого писателя формировались под непосредственным воздействием идей революционных демократов: «Статьи Добролюбова, поэзия Некрасова, — пишет он в «Истории моего современника», — несли с собой что-то прямо бравшее нас на том месте, где заставало...»⁵. И тем не менее в кругу литературных и общественных интересов молодого В. Короленко определенное место отводилось А. С. Пушкину. Даже в период резкого охлаждения к творчеству поэта со стороны большинства ортодоксально настроенной мо-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 5. М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 555.

² Луначарский А. В. Собр. соч. в 8-и т., т. 1. М., «Художественная литература», 1963, с. 29.

³ См.: Писарев Д. И. Сочинения, т. 3. М., Гослитиздат, 1956.

⁴ Конкин С. С. Пушкин в критике Писарева. — «Русская литература», 1972, № 4, с. 74.

⁵ Короленко В. Г. История моего современника. М., «Художественная литература», 1965, с. 226. Далее при ссылке на это издание страницу указываем в тексте.

лодежи он пытается поднять голос в защиту Пушкина. «Это было,— вспоминает писатель о впечатлениях юности,— время Бокля, естественных наук и материализма. Белинского и Добролюбова затмевал Писарев. Его молодое буйство увлекало и заражало... Разбирали Онегина, громили его барство, его эпикуреизм и умственную лень... Брат, в увлечении, доходил до отрицания у Пушкина даже стихотворной техники. Он прочел рядом «Орину» Некрасова и затем «Черную шаль»... Все это, прочитанное соответственным образом, вызвало в молодой компании искренний хохот... Мои слабые возражения потонули в общем неодобрительном хоре...» (с. 907).

В период идейной зрелости, когда писатель придет к заключению, что его родиной является русская литература, он назовет ее великой областью, «где господствовали Пушкины, Лермонтовы, Белинские, Добролюбовы, Гоголи, Тургеневы, Некрасовы, Салтыковы...» (с. 907).

Именем Пушкина открывает Короленко перечень славных имен борцов против общественной неправды. Для него Пушкин остается одним из первых певцов свободы. На такой характер восприятия пушкинского творчества указывают также сделанные рукой Короленко и сберегаемые на протяжении многих лет среди его личных бумаг списки стихотворений великого поэта.

Расположенные на двух листах среднего формата, 9 стихотворений, не всегда полностью переписанных, представляют по преимуществу вольнолюбивую лирику Пушкина. Среди них — «Послание в Сибирь», «К Чаадаеву», «Ив. Ив. Пущину», «В. С. Филимонову» и др.

Ознакомление с содержанием стихотворных отрывков, выписанных Короленко, убеждает в том, что он выбирал наиболее смелые в идейном отношении строки. Так из послания П. Я. Чаадаеву 1819 г. была взята лишь вторая его половина — изъявление поэтом безграничной веры в грядущее обновление России, призыв посвятить отчизне «души прекрасные порывы».

Из послания В. С. Филимонову Короленко выписывает фрагмент, в котором поэт говорит о своем желании вести, как прежде, откровенный разговор о свободе и о невозможности осуществить это желание в годы политической реакции, потому что «Не в моде нынче красный цвет». Последняя строка подчеркнута писателем⁶. Вероятно, она напоминала ему ситуацию, сложившуюся в России 80-х годов.

Пушкинская поэзия дорога Короленко не только потому, что в ней он находил отзвук собственных дум и настроений, но и потому, что она была одним из средств, способствующих, с его точки зрения, развитию народного сознания.

В 1879 г., находясь в глазовской ссылке, Короленко ведет просветительскую работу в народе и выписывает для этой цели ряд книг, в том числе и сочинения Пушкина. «Я... поселился отдельно от товарищей в рабочей слободке,— рассказывает писатель.— Каждый праздник в ней шло сплошное пьянство, захватывающее понедельники, а иногда переходившее в запой. Новые знакомые обижались, что я и сам не угощаю, и не принимаю угощения. Чтобы создать иную почву для общения, я выписал из Петербурга десятка три дешевых изданий... Среди выписанных мною книг были, между прочим: «Как мужик двух генералов прокормил» Щедрина, «Сказка о купце Калашникове» Лермонтова, несколько брошюр Тургенева, Пушкина» (с. 481).

Познакомившись на новом месте ссылки — Березовских Починках — с народной сказательницей, Короленко читает ей сказки Пушкина, как бы испытывая степень их народности, взятую некогда под сомнение

⁶ Отдел рукописей Гос. библ. им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ), ф. 135, р. I, к. 10, ед. хр. 573, л. 1.

Белинским, и с чувством удовлетворения замечает, что хранительница седой старины «жадно ловит и каждое слово, и ритм пушкинского стиха, произвольно откладывая их в памяти» (с. 548).

Короленко убеждается в том, что Пушкин — понятный, близкий, необходимый народу поэт. И как печальный парадокс русской действительности он должен был воспринять сообщение Ярославского статистического комитета по исследованию популярности произведений Пушкина, в котором говорилось, что «при существующих ныне условиях народными массам... в высшей степени трудно знакомиться с произведениями лучших своих писателей, в том числе и с произведениями Пушкина, так как главные проводники знания в народ — школа, библиотека и аудитория, по независящим от них условиям почти вовсе не знакомят его с этими произведениями...»⁷. Здесь же приоткрывалась завеса над «независящими от них условиями»: приводились отзывы о сочинениях Пушкина «очень ученого учреждения», не допускавшего в библиотеки и школы произведения и письма поэта в связи с тем, что они могут «смутить читателя, особенно простого человека». В. Г. Короленко вырезал эту заметку из газеты и, сделав на ней надпись: «Ценз[ура] о Пушкине. Просвещ[ение]»⁸, сохранил среди других необходимых ему для работы материалов.

Как кощунственное отношение к памяти гения воспринимает Короленко размещение в доме № 12 на набережной Мойки в Петербурге жандармского отделения. В феврале 1904 г., после участия в похоронах Н. К. Михайловского и вызова в связи с этим в охранку, писатель заносит в свой дневник следующее: «В 3 часа я был в охранке... Мойка, № 12-й... На стене дома мраморная доска с надписью: «Здесь 29 января 1837 года умер Александр Сергеевич Пушкин». Старинный дом, с большим двором, с высокими комнатами... Охранка, по-видимому, не тратила много денег на перестройки: ей принадлежит, по-видимому, только густая пыль на карнизах, паутина в высоких углах и запах канцелярии и участка. В коридорах — старый околоточный режется в шашки с молодыми лекоками в штатском...»⁹.

В период, когда праздновалось столетие со дня рождения А. С. Пушкина, Короленко заботится о том, чтобы память поэта не была оскорблена «обычной филантропической рутинной»¹⁰. Он одобряет проект организации в Пушкинском заповеднике колонии вдов и сирот русских писателей — проект, предусматривавший создание в этой колонии библиотеки и пансиона для обучения одаренных детей, в том числе и тех, кто не принадлежал к писательским семьям. Распространение грамотности в массах, содействие развитию народных талантов — вот, с его точки зрения, достойное памяти поэта употребление денежных средств, собранных в год юбилея¹¹.

Сознание огромных заслуг А. С. Пушкина перед русским обществом и отечественным искусством, обстоятельное изучение и пропаганда его наследия не могли не отразиться на литературной и редакторской деятельности В. Г. Короленко. На примере великого мастера он учится сам и учит других постигать подвижническую сущность творческого процесса. В. Г. Короленко советует начинающим литераторам ознакомиться с автографами стихотворений поэта, воспроизведенными в полных собраниях его сочинений, чтобы убедиться в нераздельности труда

⁷ «Русские ведомости», 1900, 14 января.

⁸ ОР ГБЛ, ф. 135, р. III, к. 21, ед. хр. 48.

⁹ ОР ГБЛ, ф. 135, р. I, к. 46, ед. хр. 2, лл. 19—19 об.

¹⁰ Короленко В. Г. Интересный проект. — «Русские ведомости», 1901 12 сентября. Как сообщил нам литературовед А. В. Храбовицкий, В. Г. Короленко является также автором другой газетной корреспонденции — «К Пушкинским дням в Петербурге» («Русские ведомости», 1899, 1 июня).

¹¹ Там же.

и вдохновения¹². Знание классиков и, в частности, Пушкина Короленко полагает обязательным для каждого молодого писателя: «Вы не потянете времени даром, — пишет он одному из них, — если перечитаете наших лучших писателей — Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Грибоедова, Гончарова — целиком...»¹³.

Пораженный емкостью пушкинских образов, Короленко делится своим восхищением с начинающим поэтом: «Посмотрите, как тут 3-мя, 4-мя штрихами, — говорит он, процитировав несколько строк из стихотворения «Анчар», — нарисована целая картина. Воображение читателя тронуту, возбуждено этими меткими штрихами, и оно само уже рисует остальное. Вы как будто видите и цвет песка, и безоблачное небо, и мрачный профиль дерева, — хотя об этом прямо не упоминается. Вот это называется *силой* стиха» (454).

Черная темы, сюжеты, характеры для своих произведений из окружающей действительности, Короленко не проходит мимо художественных открытий своих предшественников, в том числе и Пушкина. Написанный им в 1892 г. рассказ «Ат-Даван», например, будучи правдивой историей преступлений, совершенных на сибирских станках правительственным чиновником Алабыным, в то же время являет собою развитие пушкинской темы «маленького человека», так глубоко, тонко, реалистично раскрытой в «Повестях Белкина».

Задумав написать роман о Пугачеве — «Набеглый царь», Короленко тщательно изучает архивные документы, совершает поездку на Урал, собирает фольклорные материалы о восстании. Перечитывает он и соответствующие произведения Пушкина, делая из них выписки¹⁴.

Большой интерес представляют многочисленные заметки Короленко, сделанные им на полях исторического труда Н. Дубровина «Пугачев и его сообщники». Они позволяют говорить о сходстве в восприятии характера, поступков вождя народного восстания у автора «Капитанской дочки» и писателя, задумавшего роман о Пугачеве в конце XIX — начале XX века.

Встретив, например, у Дубровина утверждение, будто «Пугачев вешал без суда и разбора», Короленко делает запись на полях книги: «На чем основано?»¹⁵, а читая описания наказаний, которым Ю. Бибиков подверг участников народной войны, он подчеркивает это место и оценивает поведение усмирителя одним словом: «жесток[ость]»¹⁶.

Характерными значками писатель выделяет те места в сочинении Дубровина, где содержится хотя бы намек на положительные качества вождя повстанцев. В частности, его внимание привлекает показание Горшкова, в котором говорится, что Пугачев во время «веселостей от излишнего питья воздерживался и употреблял редко»¹⁷.

7 сентября 1906 г. Короленко в одном из писем подводит итог изучению событий XVIII века: «...сама пугачевщина совсем не то, что привыкли представлять по шаблонным историям. Ужасы пугачевского «усмирения» в двадцать раз превосходили ужасы пугачевского бунта»¹⁸. А в очерке «Пугачевская легенда на Урале» он высоко оценивает смелость и широту мышления Пушкина, впервые представившего в своих

¹² Письмо В. Г. Короленко П. О. Беспалову от 18 июля 1902 г. — «Молодая гвардия», 1957, № 6, с. 211.

¹³ В. Г. Короленко о литературе. М., ГИХЛ, 1957, с. 512. Далее при ссылке на это издание страницу указываем в тексте.

¹⁴ Короленко В. Г. Записные книжки (1880—1900). М., Гослитиздат, 1935, с. 118—124, 127—128, 370—374 и др.

¹⁵ Дубровин Н. Пугачев и его сообщники, т. 2. СПб., 1884, с. 140 (книга хранится в Полтавском литературно-мемориальном музее В. Г. Короленко).

¹⁶ Там же, т. 3, с. 255.

¹⁷ Там же, т. 2, с. 142.

¹⁸ ОР ГБЛ, ф. 135, р. II, к. 5, ед. хр. 9, л. 6.

сочинениях народную войну и ее вождя в верном освещении. «Как истинно гениальный художник,— пишет Короленко,— Пушкин сумел отрешиться от шаблона своего времени настолько, что в его романе Пугачев, хотя и проходящий на втором плане, является совершенно живым человеком... Между этим образом и не только сумароковским извергом, возлюбившим сатану, но даже и Пугачевым позднейших изображений (например, в «Черном годе» Данилевского) — расстояние огромное. Пушкинский плутоватый и ловкий казак, немного разбойник в песенном стиле (вспомним его разговор с Гриневым об орле и вороне) — не лишенный движений благодарности и даже великодушия, — настоящее живое лицо, полное жизни и художественной правды»¹⁹.

Творчество Пушкина привлекало к себе внимание не только Короленко-художника, но и Короленко-критика. И хотя среди его литературно-критических работ нет специально посвященной поэту, упоминания о нем, включенные в статьи «Стереотипное в жизни русского писателя», «Трагедия великого юмориста», столь содержательны, что их нельзя обойти молчанием.

Названные статьи создавались на рубеже двух столетий. В эти годы в периодической печати к пушкинским юбилеям стали появляться публикации секретных архивных документов и мемуаров современников поэта, позволявшие по-новому, более глубоко, понять его трагедию. Короленко внимательно следил за юбилейной прессой и составил своего рода коллекцию газетных вырезок, подавляющее большинство которых снабжено его красноречивыми надписями: «Неблагодат[ежность]», «Надзор над Пуш[иным]», «Пушкин и Николай» и т. п.²⁰

В некоторых газетных материалах писателем выделены строки, неопровержимо доказывающие, что вся жизнь русского поэта была непрерывным поединком с правительством. Так, в письме министру иностранных дел Нессельроде одесскому генерал-губернатору Воронцову от 11 июля 1824 года, напечатанном в газете «Сын отечества» 13 (25) мая 1899 года, подчеркнута фраза: «Многое, к сожалению, доказывает теперь, что он (Пушкин.— В. Ф.) очень далек от того, чтобы отказаться от тех дурных принципов, которые так вредно для него ознаменовали первые шаги»²¹. А в заметке «Из писем А. И. Тургенева» («Нижегородский листок» от 24 ноября 1908 г.) особое внимание Короленко привлекает ответ Николая I В. А. Жуковскому, просившему о пожаловании семье поэта денежного пособия, и он отмечает слова: «...Ты видишь, что мы насилу довели Пушкина до смерти христианской». Здесь же писателя поражает другой фрагмент — описание Тургеневым похорон Пушкина: «...я с почтальоном в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди»²².

Все эти сведения, безусловно, должны были обогатить новыми оттенками чувство любви к Пушкину, преклонение перед его свободолюбивым гением, которые давно жили в душе Короленко.

Примерно в то же время, к которому относится сбор описанных выше газетных публикаций, Короленко испытывает потребность перечитать статьи Белинского о великом русском поэте. Он оставляет ряд пометок на страницах труда «Сочинения Александра Пушкина»²³, свидетельствующих о том, что Короленко-читателя интересуют только положительные оценки пушкинского творчества. Он подчеркивает следующие строки: «Пушкин был призван быть первым художником Руси,

¹⁹ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-и т., т. 8. М., ГИХЛ, 1955, с. 432.

²⁰ ОР ГБЛ, ф. 135, р. III, к. 21, ед. хр. 48.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Белинский В. Г. Избр. соч. в 2-х т., т. 2. СПб, издание О. Н. Поповой, 1898 (книга хранится в Полтавском литературно-мемориальном музее В. Г. Короленко).

дать ей поэзию, как искусство, как художество, а не только как прекрасный язык чувства» (с. 698); «Общий колорит поэзии Пушкина и в особенности лирической — внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность» (с. 718); «Евгений Онегин» есть поэма историческая» (с. 794) и т. д.

Заметим, что строки В. Г. Белинского о пушкинском романе привлекают внимание В. Г. Короленко именно тогда, когда А. Скабичевский пытается пропагандировать точку зрения Д. И. Писарева на это произведение. В 1897 г. в статье «Больные герои большой литературы» критик, касаясь содержания романа «Евгений Онегин», сводит его к тому, что здесь «паркетные шаркуны», «хлыщеватые денди», драпирующиеся в чайльдгарольдовские плащи, взятые напрокат с чужих плеч», занимаются «от нечего делать волокитством за томными Танечками и легкомысленными Олечками... Критика,— резюмировал Скабичевский, имея в виду статью Писарева «Пушкин и Белинский»,— давно уже успела отнестись к этим героям с достойным отрицанием»²⁴.

Для Короленко подобная трактовка произведений Пушкина неприемлема. Перечитывая Белинского, он останавливается на положительных отзывах о пушкинском творчестве и пишет на полях страницы о поразившей его верности поэта правде жизни: «Пушкин очень правдив и добросовестен»²⁵. Оценка эта в устах писателя, на чьи произведения ссылается в одном из фундаментальных политико-экономических исследований В. И. Ленин²⁶, обретает особый смысл.

Можно предполагать, что Короленко был знаком с книгой Герцена «О развитии революционных идей в России», многие страницы которой посвящались Пушкину-гражданину. В своем публицистическом выступлении «Стереотипное в жизни русского писателя» он явно перекликается с приведенным в этой книге сравнением отечественной литературы с мартирологом. Короленко пишет: «...редкий из нашей братии может, положив руку на сердце, ответить: на каторге не бывал, под судом и следствием не находился, под явным и тайным надзором не состоял. Такая уж преступная профессия. С первым лепетом российской публицистики началась и эта история: уже Новиков и Радищев открыли скорбный мартиролог. О Пушкине и Лермонтове известно» (155).

В высказываниях о Пушкине Короленко опирается на обширный документальный материал, на позитивные оценки Белинского и Герцена, которые он развивает в своих статьях. Не называя имен тех представителей русской критики, с которыми он не согласен, Короленко тем не менее вступает в ними в полемику и делает это в присущей ему манере — обстоятельно и доказательно. Так, господствующему в среде демократической интеллигенции мнению о том, будто Пушкин в конце 20-х годов «в жизни пошел по дороге Карамзина и Жуковского»²⁷, т. е. стал придворным, Короленко выдвигает тезис о Пушкине-борце, которого царь тщетно пытался сделать если не верным слугой, то хотя бы покорным пленником. «Пушкин,— пишет Короленко,— с горечью и нетерпением стремился скинуть придворный мундир...» (171). И далее: «Николай I... готов был признать, что гениальные писатели действительно полагаются по штату в благоустроенном государстве как одна из изящных принадлежностей короны. Ввиду этого он приковал Пушкина к придворному этикету... Но писатели — народ недисциплинированный. Когда умер Карамзин, царь осыпал щедротами его семью. Жуковский попросил того же для семьи убитого на дуэли Пушкина.

²⁴ Скабичевский А. Соч. в 2-х т., т. 2. СПб, 1903, с. 581.

²⁵ Белинский В. Г. Избр. соч. в 2-х т., т. 2, с. 797.

²⁶ См.: Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, с. 436.

²⁷ Скабичевский А. Соч. в 2-х т., т. 1, с. 217.

Николай ответил, что тут есть разница: «Карамзин умер, как ангел, а Пушкин и жил и умер строптивцем» (191, 192).

В статье «Трагедия великого юмориста» Короленко пытается разрушить установившуюся с 60-х годов в русской критике традицию противопоставлять Пушкину Гоголя. Он устанавливает между ними связь преемственности, настойчиво подчеркивая роль поэта в формировании, развитии гоголевского таланта: «Вообще Пушкин первый заставил Гоголя, по его собственному признанию, «взглянуть на дело серьезно», указал глубокое значение его смеха...» (167), и далее: «Первым замечательным произведением, в котором Гоголь поставил себе (под влиянием Пушкина) определенную общественную задачу, был «Ревизор» (172).

В литературно-критических выступлениях Короленко именуется Пушкина «сознательным гражданином бесправной и рабской страны» (167), творцом, который наряду с беспримерным поэтическим даром обладал «действительно орлиным критическим взглядом» (166). Высказывания Короленко-критика, наряду с его письмами молодым литераторам и признаниями автобиографического характера, несомненно, способствовали объективному восприятию творчества Пушкина в демократической среде в конце XIX начале XX столетия. Его рассуждения о Пушкине не прошли бесследно для процесса осмысления творчества поэта, подготовив вместе со множеством других факторов главную мысль одной из важных для советской историко-литературной науки статей А. В. Луначарского «Пушкин и Некрасов», где критик-марксист писал: «Прошло, вероятно, безвозвратно то время, когда можно было относиться к пушкинской поэзии как к своего рода дворянской забаве... Нам незачем уступать Пушкина сторонникам искусства для искусства, нам незачем говорить: Некрасов — наш поэт, а Пушкин ваш поэт, — оба наши»²⁸.

Предвосхищением этого вывода, как свидетельствуют приведенные материалы, в какой-то мере была общественная, редакторская, художественная и литературно-критическая практика В. Г. Короленко.

²⁸ Луначарский А. В. Собр. соч. в 8-и т., т. 1, с. 28—29.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ
НАУЧНЫЙ СБОРНИК

**ВОПРОСЫ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ВЫПУСК 1(23)

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ВИЩА ШКОЛА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ЛЬВОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
Л Ь В О В — 1974